

Валерий Капленко

**«Высекаю
свои
письмена»**

*Заметки
и воспоминания
о Юрии Лобанцеве*

Валерий Капленко

«Высекаю свои письма».
Заметки и воспоминания
о Юрии Лобанцеве

«Издательские решения»

Капленко В.

«Высекаю свои письма». Заметки и воспоминания о Юрии
Лобанцеве / В. Капленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960102-5

Автор, Валерий Капленко, рассказывает о своём знакомстве с поэтом и
философом Юрием Лобанцевым и размышляет о его творчестве.

ISBN 978-5-44-960102-5

© Капленко В.
© Издательские решения

Содержание

«...Высекаю свои письма...»	6
Лобанцев и марксизм	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

**«Высекаю свои письма»
Заметки и воспоминания
о Юрии Лобанцеве**

Валерий Капленко

© Валерий Капленко, 2019

ISBN 978-5-4496-0102-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«...Высекаю свои письма...» Воспоминания и заметки о Юрии Лобанцеве

Фото из книги «Дальний свет» (Свердловск, 1981)

Воспоминания и заметки о Юрии Лобанцеве¹

Чтобы читать стихи Юрия Лобанцева, нужен специальный настрой. Вообразите: открываешь сборник на какой-нибудь поэме и читаешь, как некий персонаж всё рассуждает и рассуждает. Начинается вторая глава – это второй персонаж ему отвечает примерно в том же объеме. Так построена поэма «Сибирский тракт». Первой вещью Лобанцева, которая меня по-настоящему впечатлила как поэтическое произведение, была «Дума Татищева», напечатанная в журнале «Урал». А вникать в его стихи и поэмы мне захотелось только после личного знакомства. К сожалению, никаких записей я тогда не вёл, поэтому ничего похожего на хронологию в моих записках не будет. Да хронология, кажется, и смысла особенного не имеет: природа нам дала Юрия Лобанцева, так сказать, единым куском, монолитом, который в каждой точке равен самому себе.

Идём по тротуару. Юрий Леонидович говорит: «У меня книжка вышла². В кассете». Я уже знал, видел и даже приобрел эту кассету: несколько маленьких книжек, формат 70х90 1/32, в мягкой обложке, завернутые в одну общую суперобложку, подобно набору открыток.

Ну, вышла, и хорошо. Только, говорю, несолидно как-то – в кассете. (Для меня Лобанцев тогда был серьёзным литературным дедушкой, а «кассета» считалась немногим престижнее коллективного сборника, называемого в пишущем народе «братской могилой»). «Да, – отвечает, – несолидно, но если бы этим занимались солидные люди...»

¹ Лобанцев Юрий Леонидович – поэт, редактор, несколько лет руководил литературным объединением «Горный родник» при Уральском горном институте, редактировал газету «Горняк». Ушел из жизни 11 ноября 1997 г.

² Лобанцев Ю. Л. Дело: стихи, поэма. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. – 64 с.

Несолидность заключалась в том, что в литературе многие занимались, как он говорил, «обдыванием своих делишек». К такому делишкам относилось и печатание «чистой» лирики, не обязывающей читателя ни к какому росту. А всякая трудность таит в себе возможности роста. Трудно поначалу вчитываться, когда ожидаешь получить порцию легкого удовольствия, а получаешь – **мысль**, «суровую, как формула Декарта». Мысль, развиваясь, движется с неуклонностью поезда, – правда, не с такой скоростью, потому что сама себе прокладывает рельсы. Режиссер Георгий Товстоногов считал, что актёр должен уметь «страстно мыслить» на сцене. Лобанцев тому же обучает читателя своей поэзией. «Уж если мыслить – отчего не всласть?»

Юрий Лобанцев. Фото из книги «Вещий камень» (Свердловск, 1989)

А вот насчет «делишек»... Сегодняшняя ситуация заставляет согласиться и с этим. Целая индустрия открыток появилась – с разными поздравительными стишками на все случаи праздников, встреч, юбилеев и т.д., рассчитанная на бездарность потребителя, неспособность что-нибудь своё придумать. Но это всё мелочи по сравнению с шоу-бизнесом, как будто специально нацеленным на привитие слушателю безмозглости («А мы такие загораем!», «мусипуси», «арам-зам-зам») – и делишки оказались самыми что ни есть прибыльными. Весьма прибыльные делишки господствуют ныне на издательском фронте. А те,

*...кто мечтали о власти культуры,
Они и теперь не из той конъюнктуры
(из стихотворения «А Пушкин...»).*

Лобанцев и марксизм

В начале 90-х годов Марк Липовецкий небрежно бросил насчёт Лобанцева: «Стихи у него нормальные, но в наше время отстаивать марксистско-ленинскую философию, которая уже никаким авторитетом не пользуется, – это, знаешь...»

О чём наша речь – о поэзии? О философии? О социологии? Речь о поэте – о философе по образованию, о социологе по работе. Речь о поэте-шестидесятнике, который видел смысл поэзии в реальном взаимодействии с жизнью. Он говорил: свежую идею проще всего внедрить через стихотворение или через песню. А насчет его марксизма – разговор особый. Шестидесятники вообще обращались к образам Маркса и Ленина не потому, что хотели угодить брежневским властям. Наоборот, Ленин был символом оппозиции, представителем живой, ищущей творческой мысли. С таким же смыслом Лобанцев создаёт образ разведчика Николая Кузнецова: «псевдо-Зиберт рванёт гранатой/узколобую псевдовласть!» С помощью гранаты «псевдо-Зиберт» оппонирует не только бесчеловечности нацизма (это тоже правильно, но оставалось бы идеологическим штампом), но именно узколобости: «Тупость думает,/будто правит.//Разум ведает, чья возьмет». Ясно, что это не только об оккупированном гитлеровцами Киеве, Львове или Ровно. Замечателен подтекст: тупой политик, хоть какой он свой, ничем не лучше фашиста-оккупанта. При чём же здесь марксизм?

Для Лобанцева это была не застывшая схема, в которой рабочий класс всему голова (схемы могут быть разные: крестьянин всему голова, хлеб всему голова, желудок всему голова; в современной массовой псевдокультуре голова с нижней частью организма вообще поменялись местами). Главное у Маркса – диалектика, преодолевшая гегелевское ограничение – развитие по триаде; диалектика, направленная в бесконечность. Поэтому и «головой» должен стать интеллигент, творческая личность, обладающая максимальным созидательным потенциалом, но поставленная идеологами в положение пролетария и поэтому настроенная революционно, т.е. просто-напросто тоскующая по возможности приносить реальное добро своему народу. За вознаграждение, которое делает творчество плодотворным. И просто возможным.

А теперь посмотрим, какой Лобанцев материалист. В одном разговоре – не помню о ком и о чём – я, недавний студент, сдавший кандидатский минимум по философии, – разумеется, марксистско-ленинской, а какой ещё, тогда, в начале восьмидесятых, – так вот, я говорю: ну, ведь известно же, материя первична... Он посмотрел на меня, как профессор на переучившегося студента, и с расстановкой, как будто внушая элементарную истину, ответил:

– Мы этого не знаем. Мы не можем утверждать, что материя первична, пока мы не вышли в космос. Вот выйдем в космос – тогда узнаем, что первично.

Когда Борис Марьев писал романтические баллады о космическом пришельце, который здесь, на Земле, живёт разведчиком уже не первую тысячу лет и вздыхает по своей любимой, отыскивая глазами «хрустальный шарик в небесах», это и воспринималось как поэзия, романтика, фантастика. А тут – принципиальный рационалист, возражавший в стихах своему оппоненту-обывателю вполне в духе Маркса: «Пока твой ум устраивался в мире,/мой – размышлял, как перестроить мир», – и тоже говорит о космосе, но не с поэтической колокольни, а с какой-то научно-практической. Я и сейчас не понимаю как следует, что подразумевалось под словами «выйдем в космос» – то ли станем жильцами межпланетного пространства, то ли вступим в диалог с внеземным разумом... Чтобы говорить о лобанцевском космизме, нужно изучить его философские труды, которые ещё ждут публикации.³

³ Эти записки писались долго, с перерывами и печатались в альманахе «Воскресенье». В ноябре 2013 года в Музее уральских писателей по адресу: Екатеринбург, Пролетарская, 11 состоялся вечер памяти Юрия Лобанцева. Его вдова, Фаина Лобанцева, привезла целый пакет машинописи – философские и социологические труды Юрия Лобанцева. Все были уверены, что там, в музее, всё это и находится. Но при попытке их найти и разобраться с содержимым оказалось, что их нет и никто

Происшедшее в нашей стране крушение монополии на философскую и политическую правоту показало зыбкость материализма и силу диалектики. Хотя мне и самому странно в разговоре о поэте углубляться в философско-теоретические дебри, деваться просто некуда; если читателю неинтересно, пусть пропустит этот абзац. В самих крушениях, катастрофах, катаклизмах, наверное, не много поэтического – больше драматического и трагического; но захватывает и потрясает то, что становятся видны какие-то фундаментальные свойства человеческого разума (а может быть, и мироздания), которые кто-то попытался отменить или не заметить. Жил-был традиционный «марксистский» диалектический материализм. И вдруг... диалектика материализма съела. И тогда понятно стало это лобанцевское «не знаем». И теперь странно, что философы не замечали (или нельзя было замечать?) неизбежности такого поворота. Если мир по природе диалектичен, то в каждой вещи борются две противоположности. Одна из них господствует – и эта вещь существует. Но вот всё переворачивается, вторая из противоположностей побеждает и уничтожает первую, на месте которой рождается что-то новое, и перед нами уже принципиально другая вещь, – и так далее. Если в философии (как нас учили) происходит борьба идеализма и материализма и материализм господствует, то диалектика просто не даст ему долго жить: она перевернет ситуацию вверх тормашками. Но измы измами, а нам-то что теперь думать об основе мироздания? Ведь она-то не переворачивается от всех этих манипуляций с понятиями. Может быть, в действительности существует колесо причин и следствий, а каждый философ видит ту часть колеса, где он оказался в силу жизненных обстоятельств? Если ты рос в царской семье, где достаточно пошевелить бровью, и тут же находятся исполнители твоих желаний, – тогда ты будешь думать, что первична идея. Если ты вынужден был горбом добывать хлеб насущный – то всю жизнь будешь отстаивать материализм. А кто оказался между этими крайними точками, те будут исповедовать разные формы дуализма. Словом, любой «изм» – результат близорукости, поэтому дополнять друг друга они могут, а вот бороться и побеждать – это только в масштабах научной или общественной грызни.

из работников музея не знает ничего об их местонахождении. Иначе говоря, все эти рукописи пропали. Из того, что нам читал сам автор, вспоминается немного. Кроме известного противоречия между человеком и природой, Лобанцев-философ выявил противоречие между человеком и производством и в качестве первого доказательства привёл восстание луддитов – разрушителей станков – в Англии. В конце своих рассуждений он говорил об «очеловеченной природе» и «оприродненном человеке» как идеальном состоянии, к которому следует двигаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.